*С. И. Щеголев*

**Рецензия на работы проф. В. А. Ушакова: «Россия в трактовке иностранца: формирование представлений и стереотипов». Санкт-Петербург: Полторак, 2010. - 160 с.; «Взаимовосприятие России и Запада (XVIII–первая половина XIX века)». Санкт-Петербург: Нестор, 2006 (в соавторстве с Т. В. Партаненко) - 156 с.; «Томас Джефферсон и американская демократия (восприятие в России)». Санкт-Петербург: Полторак, 2012 (в соавторстве с А. Ю. Талья) - 244 с.**

**ISBN 978-5-904819-07-1**
**ISBN 5-303-00296-9**
**ISBN 978-5-904819-48-4**

Рассматриваемые работы проф. В. А. Ушакова представляют собой, по сути, трилогию и посвящены таким важным, деликатным и по сей день злободневным вопросам как восприятие Россией Запада и Запада Россией. Безусловно, рассматриваемая тема настолько масштабна, сложна и многогранна, что полностью осветить ее в нескольких работах невозможно, так что авторы данных исследований были обречены на определенную конспективность и выбор четкого (пусть даже узкофокусного) направления повествования, что и было ими проделано на высоком профессиональном уровне. Первая книга – «Взаимовосприятие России и Запада» акцентирует внимание читателя на трех основных (как представляется) направлениях − контакты XVII – начала XVIII вв. – время, когда Запад по сути заново открывал для себя эту удивительную и загадочную страну – Московию, не то азиатскую, не то околоевропейскую, но в любом случае непознанную и интригующую, далее рассматриваются контакты XVIII в. – Россия эпохи петровских преобразований и далее на протяжении всего XVIII в., который рассматривается многими историками (как отечественными, так и зарубежными) как век «культурного

© Щеголев С. И., 2013

ученичества России», время, когда наша страна буквально ворвалась в Европу, заставив считаться с собой и, наконец, контакты первой половины XIX в., время царствований императоров Александра I и Николая I, когда членство Российской империи (особенно после победы над наполеоновской Францией) в «Европейском клубе» уже никем не оспаривалось, но, тем не менее, противоречивость внутреннего развития России вызывала большой интерес у западноевропейской общественности и заимообразно русская дворянская и разночинная интеллигенция, побывавшая в Европе как во время заграничного похода русской армии 1813−1814 гг. да и позднее, уже в ходе многочисленных частных путешествий также испытывала большой интерес к европейской жизни, тем более что испытавшая на себе огромное влияние Великой Французской Революции Европа вступила в новую, принципиально новую фазу своей истории – период промышленной революции. Безусловно, нельзя не согласиться в теми выводами, которые делает автор, что «в XVIII столетии не все на Западе были рады пробуждению и возмужанию России при Петре I», но, тем не менее, «многие же авторы в те десятилетия приветствовали преобразовательные усилия Петра Великого и после других монархов, указывали на очевидное сближение России и Европы, ориентацию россиян на европейские образцы в политике, культуре, быту и т.д.».

Усилиями ряда философов–просветителей в то время галерея российских монархов пополнилась новыми значительными персонами: стереотип Петра Великого как царя – плотника, царя – строителя, царя – реформатора и преобразователя дополнил и быстро создаваемый образ «Семирамиды Севера» − друга мыслителей и прогресса Екатерины Великой. Но позитивно настроенные к России наблюдатели могли отличать и половинчатость, незавершенность шагов по модернизации страны, насильственные методы внедрения реформ. И далее, «с рубежа XVIII – XIX столетий, возможно и под влиянием революций в Америке и Франции, иностранные наблюдатели уже независимо от их отношения к Российской империи, ее народам и монархам, все чаще стали писать о недостаточности тех реформ и преобразований, которым с начала XVIII в. подвергались общество и государство». Действительно, Россия первой четверти XIX в. уже не была чем-то бесконечно далеким и непонятным для Европы, как это было столетием ранее, и теперь ее уже оценивали, что называется, по «европейским стандартам». Поэтому нельзя не согласиться с тем выводом, который делает проф. В. А. Ушаков в заключение своего исследования: «Под воздействием передовых теорий и идей, в ходе

революционных потрясений общественная и политическая жизнь ряда стран в Старом и Новом Свете получала серьезные импульсы к развитию. Набирали силу и социально-экономические перемены (« промышленный переворот»). Империя Романовых хотя и не стояла в стороне от названных веяний, но подвижки вызревали и проходили еще медленно, а после 1825 г. они во многом застопорились, о чем в той или иной форме и сообщали иностранцы (Ж. де Сталь, Ф. Б. Гагерн), посещавшие и изучавшие Россию». И далее «вряд ли баронесса Ж. де Сталь или полковник Ф. Б. Гагерн смогли удержаться в рамках дозволенной обстоятельствами дозированной критики изъянов российской действительности, заведенных в стране порядков, а характеристика строя в России, ее правителей и их окружения в исполнении ряда авторов грешила не только очевидной тенденциозностью (как негативного, так и апологетического свойства), но и содержала многие зерна горькой и неприятной правды, коловшей глаза и современникам описываемых событий, и историкам, и последующим поколениям россиян и жителей Западной Европы».

«Взаимовосприятие России и Запада (XVIII–первая половина XIX в.) – исследование, предпринятое проф. В. А. Ушаковым в соавторстве с Т. В. Партаненко. Как следует из заглавия исследования, в нем анализируются обоюдные впечатления европейцев и американцев о России и русских путешественников о Европе и Новом Свете (как известно, в 1783 г. на политической карте мира появляется новое государство – Соединенные штаты Америки). Исследование состоит из трех глав. Это «Образ России во Франции в XVIII–XIX веках», «Европа в описании путешественника из России: взгляд критический и взгляд благосклонный» и, наконец, «Американцы о России и русские наблюдатели в США». Выбор данных направлений в освещении проблемы взаимовосприятия не случаен и строго логичен. Как совершенно верно отмечают исследователи, «начало устойчивого внимания к России относится к правлению Петра I. С 1700 до 1775 гг. нарастало культурное внимание Франции к нашей стране, это время стало мощнейшим толчком к формированию образа России во Франции. Конечно, оценки французских путешественников и дипломатических агентов русского государства, быта и нравов его населения весьма неоднозначны, зачастую тенденциозны и поверхностны, но встречаются и весьма серьезные и тонкие замечания, как, например, мемуары аббата Жана Шаппа д'Отроша «Путешествие в Сибирь». Весьма интересным и даже можно сказать пророческим выглядит утверждение аббата, выделенное авторами исследования: «Петр I кажется создателем

новой нации, но нет никакой перемены в устройстве правительства, – пишет Шапп д'Отрош, – нация все время находится в рабстве (выделено мной *С.Щ.*), и он еще сильнее затягивает узы рабства. Он заставляет все дворянство служить без всякого изъятия. В народе набирает толпу молодых рабов (выделено мной *С.Щ.*) и распределяет их в академии и школы, без учета их талантов и желаний». Безусловно, весьма меткое замечание, недаром книга аббата д'Отроша вызвала бурную реакцию как во Франции, так и в России. Екатерина II даже попыталась вступить в полемику с дерзким французом, что, как верно заметили авторы исследования, это ей не удалось. В самом деле, возражать на верные замечания убедительно вряд ли возможно.

Но, безусловно, культурные контакты России и Франции на протяжении всего XVIII века крепнут и, в конце концов, становятся определяющими в облике правящего класса России. Как совершенно верно замечают авторы исследования, последняя четверть XVIII в. стала переломной в русско-французских отношениях. Их улучшение, интерес Франции к России, зародившийся после визита Петра I в Париж в 1717г., стали причиной посещения России многими французами. Действительно, описания Москвы и вообще России, русской жизни, оставленные К.-К. Рюльером, Ф.-А. Тесби де Белькуром, Ф.-М. Гриммом, Ш.-Ж. Роммом, Виже-Лебрен и др. представляют довольно полную картину нашей страны в XVIII в. Но, безусловно, одним из наиболее ярких явлений французской мемуарной литературы конца XVIII в. (как совершенно справедливо отмечают авторы исследования) считаются мемуары дипломата графа Сегюра, которые рисуют Россию отсталой страной, в которой правит во благо народа мудрая Екатерина II. Как отмечают авторы, «отдельные, порою колкие, реплики дипломата не во многом изменяют этот фон». Необходимо оговориться, что в задачу данной рецензии не входит освещение каждого аспекта исследования, предпринятого В. А. Ушаковым и Т. В. Партаненко. Это сделало бы ее слишком громоздкой и малоинтересной. Подводя итог весьма объемной первой главы, посвященной формированию образа России во Франции в XVIII–XIX вв., хочется отметить, что она дает читателю внушительный объем информации по данной теме. Нельзя не согласиться и с основными выводами, сделанными в ее конце. «В XVIII в. Россия признается как одна из реалий в окружении Франции, становится одним из побудителей движения ее общественной жизни. Продолжается вместе с тем формирование взгляда на нашу страну как на опасного и агрессивного врага. В то же время, проявляется направле-

ние, утверждающее Россию своеобразной страной, к которой не подходят мерки Франции и которую следует принять такой, как она есть». И далее «в конце XVIII в. насущным для Франции становится позитивный образ России. Воздействие на Россию жестко предполагалось обязательным, но не военным, завоевательным, а религиозным, культурным, политическим».

Глава вторая исследования посвящена описаниям Европы русскими путешественниками. В ней отмечается, что «со времен Петра Великого жители Российского государства все чаще выезжали за границу. В годы правления императрицы Екатерины II поездки в Европу были привычными». Можно полагать, что к концу XVIII века сформировались и основные подходы в русле которых российские путешественники воспринимали жизнь за границей. Они либо противопоставляли Россию и Европу, либо искали сходное в развитии двух регионов. Авторы исследования, надо сказать, весьма остроумно распределили всех русских путешественников на «тип Фонвизина» − неприятие зарубежных порядков и «тип Карамзина» − т.е. путешественника, которому эти порядки в основном нравятся. В то же время они констатируют, и с этой констатацией нельзя не согласиться, что «право авторов выделять те или иные характеристики, рисовать жизнь и «чудеса» заграничные в соответствии со своими критериями, видением и пониманием мира». И далее «сопоставление разных точек зрения на зарубежную действительность, столкновения разных подходов к ней и оценок, а порой и сравнение с российскими примерами и образцами – это возможность лучше представить и понять реальное состояние дел и в России, и за ее пределами». Как говорится, лучше не скажешь!

Третья глава исследования посвящена описанию формирования образа России в глазах американцев и оценкам русскими наблюдателями США. Буквально с самого возникновения нового государства на североамериканском континенте, оно привлекало внимание российских государственных деятелей. Этот интерес, возможно, начался с известного восклицания Екатерины II: « Если бы я потеряла столько земли, сколько ее потерял английский король в Северной Америке, я бы пустила себе пулю в голову!» Необходимо отметить, что еще со времени Войны за независимость американцы начинают посещать Россию. Как отмечается в исследовании «политическая культура американцев влияла на передовые умы России. Известна негативная реакция самодержцев – Екатерины II и Николая I на распространение в обществе вольнодумства, а тем более

на попытки изменить само общество». С победой американской революции новые, республиканские идеи начинают распространяться и в русском обществе. Как известно, представители «русского флага» – военные моряки (И. Д. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский и др.) провели много времени в новой стране за океаном и скорее всего лично общались с отцами основателями» − Дж. Вашингтоном, Б. Франклином, Т. Джефферсоном и др. Соответственно, на родину русские моряки возвращались не с пустыми руками. Они привозили важные сведения о политической системе, культуре американцев, о конституциях и законах, сведения о положении североамериканских индейцев, рабстве негров и т.д. Как отмечают авторы исследования, «в России интерес к общественным порядкам и системе управления в Америке распространялся даже при дворе». Далее в исследовании отмечается, что «в последней четверти XVIII в. между Россией и США установился своего рода «мост», и по нему устремились путешественники. В России побывали такие выдающиеся представители новой нации, как один из героев войны с англичанами контр-адмирал Пол Джонс и сын второго президента США Дж. Адамса – Дж. К. Адамс (в будущем гос. секретарь и шестой президент страны). Далее можно упомянуть дипломата Дж. Б. Миллигена, торговца М. Фишера – мл., сенатора Дж. А. Бейарда и многих других. А из россиян первыми в Новый Свет направились Федор Каржавин и Василий Баранщиков. По возвращении они несколько раз опубликовали свои записки о пребывании на Карибах, а Каржавин также и в США.

К каким же выводам приходят авторы исследования? Приведем вполне уместную здесь пространную цитату, так как она наиболее емко и полно подводит итог исследования: «Две цивилизации, две культуры – российская с многовековым наследием, и более молодая, формирующаяся американская имели и точки соприкосновения и многочисленные различия. Оценка и интерпретация таковых зависела как от мироощущения россиянина или американца, так и от индивидуальных качеств того или иного автора. Граждане США исходили из норм и установок складывавшегося в ту пору так называемого американского образа жизни, они разделяли и часть стереотипов поведения и восприятия, которые существовали среди европейцев». И далее, говоря о суждениях русских путешественников, авторы исследования отмечают, что «они высказывали суждения разного плана, даже резкую критику в отношении американской действительности. Но в целом же со стороны американцев в оценках и характеристиках были очень заметны негативные или нейтрально-негативные тона, а

у россиян, скорее преобладало благожелательное отношение». Впрочем, как отмечают авторы исследования, точку в этом вопросе ставить еще рано.

Наконец, третья, на наш взгляд наиболее интересная, книга проф. Ушакова, написанная им в соавторстве с А. Ю. Талья, посвящена великому американцу, одному из «отцов – основателей» США, третьему президенту этой страны Томасу Джефферсону («Томас Джефферсон и американская демократия (восприятие в России)»). Действительно, роль Т. Джефферсона в становлении американского государства трудно переоценить. Он с полным правом считается «отцом американской демократии». Вообще же диапазон интересов этого человека был настолько велик, что трудно было назвать область человеческой деятельности, в которой Джефферсон не был бы сведущ. В связи с этим хотелось бы упомянуть один весьма показательный эпизод из американской истории уже XX в. Президент Дж. Ф. Кеннеди, принимая в Белом доме большую группу американских ученых, заметил, что давно уже резиденция американских президентов на видела такого представительства выдающихся интеллектуалов, если не считать того времени, когда Т. Джефферсон обедал здесь в одиночестве. Как отмечается в исследовании, интерес в России к возникшему в Северной Америке государству, его институтам и законодательству проявляли, прежде всего, склонные к реформаторским веяниям круги. Во второй половине XVIII в. в Российской империи выявились сторонники введения аристократической конституции, а в последние годы XVIII в. вокруг наследника престола великого князя Александра Павловича сформировался особый круг, в планы которого входило изучение политико-правового опыта и истории государственного строительства в других странах. Весьма показательно поэтому (как опять таки отмечают авторы исследования), что американцы активно содействовали подробному ознакомлению Александра I с принципами и нормами общественно-государственного устройства США. Президент Джефферсон рассуждал о необходимости составить для русского императора «краткий систематический обзор» американской конституции. Оказывается, Джефферсон даже лично отбирал наиболее интересные, с его точки зрения, труды об американской конституции, которые через американского консула Л. Гаррисона в Петербурге переправлял Александру I. Известно, что русский император с большим уважением и даже симпатией отзывался о Джефферсоне и его стране. Конечно, взаимный обмен любезностями обычная практика политиков, но в данном случае

мы можем констатировать, что хорошие отношения между Александром I и Т. Джефферсоном способствовали установлению полновесных дипломатических отношений между нашими странами. Было бы неверно подозревать Т. Джефферсона в политической наивности и думать, что он надеялся реально повлиять на порядки в огромной крепостнической державе, которой являлась Российская империя. Возможно, Джефферсон понимал, что необходимость реформ в России назрела, но, как отмечают авторы исследования, «весьма прозорливый Джефферсон полагал в то время, что в России благие порывы Александра I (несмотря на уверения последнего в твердом желании провести реформы) встретят сопротивление аристократии и ожидаемые перемены будут сорваны».

В заключение хотелось бы отметить, что исследование А. Ю. Талья и В. А. Ушакова «Томас Джефферсон и американская демократия (восприятие в России)» займет достойную нишу в трудах современных отечественных американистов. Нельзя не согласиться с выводом, который делают сами авторы: «Сочинители прошлых времен, и ныне здравствующие и плодотворно работающие исследователи своими трудами, безусловно, расширили горизонты познания прошлого Америки, их усилиями наши представления о воззрениях, жизни и деятельности Т. Джефферсона приобретали все более многогранный и зримый вид». И далее: «Однако работа даже самого маститого исследователя или писателя вряд ли будет свободна от недочетов, каких-либо преувеличений или иных упущений, которые и не позволят провозгласить абсолютные истины». К сказанному можно только добавить, что хотя все, что создано человеком несовершенно, как несовершенна и рассматриваемая в нашей рецензии работа, но, тем не менее, предпринятое В. А. Ушаковым и А. Ю. Талья исследование, безусловно, расширило наши познания на заданную тему и, несомненно, вызывает самый живой интерес среди тех, кто серьезно интересуется историей США, а также историей русско-американских отношений.